

Об одном выступлении в парижской прессе за 1863 год в защиту репутации Императорской публичной библиотеки

И. П. Медведев

Речь у нас пойдет об одном любопытном документе – письме в международную газету «Норд» проживавшего в те времена в Париже известного греческого ученого Андреаса Пападопулоса-Вретоса, который, возмущившись пренебрежительным публичным высказыванием одного французского общественного деятеля (президента Сената) в адрес России вообще и Императорской публичной библиотеки в Санкт-Петербурге в частности, взволнованно выступил в защиту репутации названной библиотеки, воздав хвалу и оценив ее в превосходной степени как выдающееся учреждение культуры.

Но прежде – несколько слов о самом авторе выступления. Андреас Пападопулос-Вретос (1800–1878) – весьма загадочная фигура в истории новой Эллады. Будучи связан с семейством первого президента Греции Иоанна Каподистрии, он принял активное участие в бурных событиях своей страны после убийства Каподистрии (1831), вынужден был эмигрировать и дважды (в 1833 и в 1855 годах) посетил Россию, причем во второй раз он даже добивается приема на русскую службу (принимался в качестве переводчика в Азиатский департамент Министерства иностранных дел), но стал жертвой интриг со стороны своих же соотечественников, живших в Петербурге. Особенно ему «досталось» от посла Греции Иоанна Суцоса, которому в конце концов удалось вынудить министра иностранных дел князя Горчакова выслать (в феврале 1858 года) Пападопулоса-Вретоса из России. Позднее, незадолго до своей кончины, Пападопулос-Вретос

подробно описал перипетии своей биографии в воспоминаниях, опубликованных в 1873 году в Париже на французском языке и под весьма красноречивым заглавием: «Один глубоко преданный России грек, ставший жертвой канцлера этой Империи кн. Горчакова».¹

«Удаленный из России без всякой вины с моей стороны, – с горечью заключал Пападопулос-Вретос свой труд, – я утешаю себя в моей беде лишь мыслью о том, что увез с собой уважение и дружбу весьма высокопоставленных лиц, таких как барон Модест Корф, князь Михаил Оболенский, нынешний государственный советник г-н Михаил Волков, а также ученых людей страны, таких как господа Куник и Шеффер (правильно: Шифнер – И. М.), члены Императорской академии наук, и московский профессор Шевырев»² (от себя добавил: и еще не прославившийся своими археологическими сенсациями Генрих Шлиман).

Обо всем этом, а именно об этой дружбе с вышеуказанными лицами, о научной деятельности Пападопулоса-Вретоса в России, об обстоятельствах его отнюдь не простой жизни вообще, мне уже приходилось говорить в докладе на II Русско-Греческом форуме, проходившем в 2010 году в Петербурге³. Поэтому ограничимся сказанным и обратимся непосредственно к этому сюжету.

Собственно, и о нем известно из архивов. Просматривая в последнее время в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (той самой, некогда Императорской публичной) опись фонда барона

Модеста Корфа⁴, я и наткнулся на указание о наличии в фонде двух документов, проливающих свет на обозначенное в заглавии статьи событие, а именно письмо самого Андреаса Пападопулоса-Вретоса к барону Модесту Корфу из Парижа от 2/14 августа 1865 года с объяснением обстоятельств этого события и его же выписка своей статьи из газеты «Норд» от 20 октября 1863 года (оба документа – на французском языке)⁵. Поскольку документы говорят сами за себя и не особенно нуждаются в излишних комментариях, считаю достаточным воспроизвести их здесь (в своем переводе с французского).

I

Париж, 2/14 августа 1865 г.

Господин Барон,

Вот уже минуло почти шесть лет, как Ваше Превосходительство не имело обо мне никаких сведений, и Вы даже, наверное, не в курсе, жив я или мертв. Последнее письмо, которым Вы меня почтили, датировано Санкт-Петербургом 8/20 января 1859 года, получено мною в Венеции, и я не преминул ответить на него. С тех пор разразившиеся крупные политические события воспрепятствовали осуществлению моего проекта, целью которого было найти на Ионических островах и в некоторых странах Италии достаточное число подписчиков для покрытия расходов на опубликование моего перевода на итальянский язык труда Вашего Превосходительства о восшествии на престол Николая I⁶. Ныне, видя, как симпатии к России на Ионических островах и в итальянских странах, где всегда очень

любили Россию, почти угасли, я вынужден отказаться от моего проекта, тем более, что туринский типограф г-н Ботта, с которым у меня была договоренность об издании, только что умер. Так что я решил преподнести мою рукопись Вашему Превосходительству, предоставив ему право опубликовать ее, если оно этого захочет, – с тем, чтобы убедиться в моем к Вам почтении и в моей живой признательности за Вашу доброту ко мне.

Находясь здесь уже несколько месяцев с целью подлечить мое зрение (мне угрожает полная его потеря), я пользуюсь отъездом в Санкт-Петербург одного из моих друзей (грек, проживающий в этом городе), чтобы отправить Вам, г-н Барон, предисловие к моему вышеуказанному переводу, ибо сама рукопись труда с марта 1859 года находится в Турине, в типографии только что умершего печатника, и чтобы получить ее обратно, мне придется принять некоторые меры. Рукопись находится в Турине потому, что я договаривался с покойным г-ном Боттой о присылке ему предисловия вместе со списком имен подписчиков, который я ожидал получить через посредство моих друзей, и тогда он (г-н Ботта) должен был запустить труд под пресс. Я посчитал необходимым дать Вашему Превосходительству сие объяснение, чтобы ввести Вас в курс этого дела в том случае, если Вы успели забыть сказанное Вам в моем последнем письме.

Я также пользуюсь этим случаем, г-н Барон, чтобы послать Вам копию опубликованной мною в конце 1862 года (вернее, 1863 года. – *И. М.*) в «Норде» статьи, в которой я воздаю должное талантам Вашего Превосходительства во времена исполнения Вами должностных обязанностей Генерального директора Императорской библиотеки в Санкт-Петербурге. Именно на этом основании я беру на себя смелость послать Вашему Превосходительству один экземпляр акростиха на греческом языке в адрес императора Александра II, составленного мною в последнее время, шесть экземпляров которого я отправил канцлеру Империи князю Горчакову, но я не знаю, дошло ли это небольшое сочинение до сведения Его Величества⁷.

Само собой разумеется, г-н Барон, что я постараюсь сразу же отправить Вам мою вышеупомянутую рукопись, как только получу ее⁸. А пока что я прошу Вас, г-н Барон, принять уверения в моем глубоком почтении.

Имею честь быть Вашим почтительным и весьма признательным слугой

А. Пападопулос-Вретос.

8 rue Miromesnil

P. S. Так как мой друг неожиданно покинул Париж, я не осмеливаюсь, г-н Барон, отправить рукопись по почте. Пошлю ее Вам позднее, вместе с рукописью моего перевода (Париж, 4/16 августа 65).

II

Выдержка из международной газеты «Норд».

Господину Директору «Норда» Париж, 20 октября 1863 г.

Месье,

прошу Вас оказать мне честь, поместив на полосы Вашего международного бюллетеня следующую поправку в упоминание Императорской библиотеки Санкт-Петербурга, которое г-н президент Бонжан⁹ сделал только что в Сенате на его заседании 18 числа сего месяца.

Этот почтенный сенатор, говоря о России в своей пылкой речи в защиту Польши, выразился так: «Захотелось, видите ли, создать русское дворянство, поделили его на 14 классов, но все в нем искусственно, нет ничего живого, ничего реального. Это немного напоминает Императорскую библиотеку в г. Санкт-Петербурге, о которой один из моих друзей выразился следующим образом: “При виде роскошного фасада захотелось проникнуть внутрь здания, но это был только фасад, а за ним – ничего”.

Так вот, все это неправда, и почтенный первый президент г-н Бонжан несомненно был введен в заблуждение одним из своих коллег, озлобленным недругом России. Я постараюсь исправить его ошибочное замечание об Императорской библиотеке Санкт-Петербурга, причем со знанием дела, так как я посещал ее в течение почти двух лет, с конца 1855 года и до конца 1857 года, пытаюсь обогатить мой комментированный каталог книг, изданных греками на древнем или

современном греческом языке, начиная с падения Константинополя и вплоть до образования греческого королевства в 1832 году¹⁰.

Библиотека Санкт-Петербурга насчитывала в это время более 600 тысяч печатных томов, не считая драгоценных рукописей. Она располагает редчайшими книгами, она богата изданиями Альда и Эльзевира. Все это огромное собрание, которое с каждым днем увеличивается благодаря покупке новых трудов, приведено в порядок в соответствии с принципами самой совершенной библиографической классификации, а именно – по тематическому принципу, и размещено в многочисленных залах и галереях этого грандиозного здания Императорской библиотеки, фасад которого, выступая (торцом) на длинный и прекрасный Невский проспект, действительно роскошен.

Но что особенно способно поразить воображение любого образованного путешественника при посещении этой Императорской библиотеки, так это озарившая ее тогдашнего директора г-на барона Модеста Корфа блестящая идея выделить в отдельный зал на втором этаже все печатные труды, выпущенные в пользу или против России, на всех известных языках. Этот зал так и обозначен – под именем Русского зала (ныне – *Rossica. – И. М.*)¹¹; в то время, о котором я говорю, он заключал в себе более 50 тысяч книг и брошюр, отобранных часто по рекомендации добросовестных русских ученых, которые занимаются историей своей страны.

Читальный зал для публики находится на нижнем этаже, будучи ежедневно заполнен молодежью, жадной до знаний и их распространения в самых отдаленных городах обширной Российской империи. Все образованные граждане имеют право посещать Императорскую библиотеку в Санкт-Петербурге, которая по этой причине называется «Публичной», а также – чтобы не смешиваться с двумя другими императорскими библиотеками Санкт-Петербурга, одна из которых находится в императорском Зимнем дворце, а другая – в большом здании Императорской академии наук, что на Васильевском острове, на берегах Невы.

Имею честь быть и т. д. Подписано: А. Пападопулос-Вретос.

¹ Un grec très dévoué à la Russie, victime du chancelier de cet Empire le Prince Gortchacoff. Paris, 1873 (без указания на титульном листе своего авторства).

² Ibid. P. 42.

³ Доклад опубликован: Медведев И. П. Петербургский след в биографии одного ученого грека: Андреас Пападопулос-Вретос // История российско-греческих отношений и перспективы их развития в XXI веке [Второй Российско-Греческий форум гражданских обществ]. Материалы конференции. Москва, 2010. С. 222–228.

⁴ О Модесте Андреевиче Корфе (1800–1876), государственном деятеле, историке и директоре Императорской Публичной библиотеки в 1843–1861 гг. см.: Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры. Биографический словарь. СПб., 1995. Т. 1. С. 275–282.

⁵ Отдел рукописей РНБ. Ф. 350 (фонд М. А. Корфа). Д. 394. Л. 1–2.

⁶ Имеется в виду труд М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I», изданный сначала в Санкт-Петербурге в 1857 г. Сообщенные ниже сведения о судьбе итальянского перевода, предпринятого Пападопулосом-Вретосом, уникальны, ибо дают нам знать о причинах его неопубликования. О том, с каким нетерпением ждали появления этого перевода сам М. А. Корф и подписавшийся на 100 экземпляров император Александр II, см.: Медведев И. П. Петербургский след. С. 223, 227 (примеч. 11).

⁷ К сожалению, ничего не можем сказать здесь о его судьбе и мы.

⁸ Видимо, надежды на возврат рукописи не оправдались.

⁹ Если не ошибаюсь, президентом Сената в это время был Луи-Бернар Бонжан (1804–1871).

¹⁰ Об этом главном научном труде А. Пападопулоса-Вретоса, двухтомном библиографическом указателе «Новогреческая филология», изданном в Афинах в 1854–1857 годах на греческом языке и планировавшемся, но неосуществленном проекте его дополненного издания на французском языке, также см.: Медведев И. П. Петербургский след. С. 226, 228 (примеч. 30).

¹¹ Кстати, именно в «Россике» мне удалось разыскать редчайший экземпляр воспоминаний А. Пападопулоса-Вретоса (см. примеч. 1), опубликованного в Париже в 1873 г. без указания на титульном листе автора, что отнюдь не облегчало поисков издания.

Из истории социально-культурного сервиса Санкт-Петербургского Первого общества взаимного кредита

А. В. Зотова

17 марта 1864 года было учреждено Первое общество взаимного кредита, ставшее предшественником многочисленных коммерческих банков России¹.

Незадолго до того в имперской столице произошли опустошительные пожары, нанесшие огромный урон экономике Санкт-Петербурга².

Е. И. Ламанский, управляющий Государственным банком, изучив зарубежный опыт создания кредитных организаций для малого предпринимательства, предложил министру финансов М. Х. Рейтерну проект создания общества взаимного кредита. Его поддержали многие солидные банкиры, но не было уверенности в том, что идея создания ОВК будет понята купцами. Именно их видел Е. И. Ламанский основными членами общества взаимного кредита.

Чтобы привлечь купцов, он выступал с лекциями для них и даже опубликовал брошюру «Общества взаимного кредита»³, в которой описал события 1862 года⁴, а также историю европейского финансового кризиса 1848 года⁵.

Здание Первого общества взаимного кредита

Он терпеливо рассказывал о том, каким образом европейским финансистам и предпринимателям удалось преодолеть кризисные последствия в экономике путем создания «общества взаимного или соединенного кредита»⁶.

Евгений Иванович призывал вступать в ОВК, указав на преимущества членства в нем: «вступление члена в общество не налагает на него никаких чрезвычайных пожертвований и не подвергает его никакому риску. Если член по какой-то при-